Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/DPVRWC
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ДВОЕ*В*ЕРИЕ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВА: К ИЗУЧЕНИЮ РОЛИ В.Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ В ИСТОРИИ СИМВОЛИСТСКОГО ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

© 2024 г. О.Л. Фетисенко
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 27 марта 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 04 июня 2023 г.
Дата публикации: 25 марта 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-266-283

Аннотация: В статье, основанной на материалах из двух архивных фондов Рукописного отдела Пушкинского Дома, детально воссоздается одна из важнейших составляющих душевной жизни литератора и религиозного мыслителя Евгения Павловича Иванова (1879–1942), ближайшего друга А.А. Блока, — история его многолетнего поклонения В.Ф. Комиссаржевской, повлиявшего не только на формирование мировоззрения, но и на творческие замыслы петербургского мистика (прежде всего на его оставшиеся незаконченными статьи о героинях Г. Ибсена, о миссии театральных артистов, о вере). В названии исследования обыгрывается ситуация, в которой оказался Е.П. Иванов: религиозное двоеверие (православие и рудименты хлыстовства, христианская вера и интерес к славянскому язычеству) и при этом платоническая любовь к двум Верам — Комиссаржевской и В.Н. Дюковой, его дальней родственнице. Представленные здесь материалы, в том числе и ранее не публиковавшиеся фрагменты дневника и незавершенных воспоминаний, могут послужить своеобразной фоновой подсветкой к истории создания блоковского стихотворения «На смерть Комиссаржевской» (1910), в частности объяснить появление в этом тексте образа «обетованной весны».

Ключевые слова: Серебряный век, символизм, архивные источники, А.А. Блок, В.Ф. Комиссаржевская, Е.П. Иванов.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-002-5670-2656

E-mail: betsy98@mail.ru

Для цитирования: *Фетисенко О.Л.* Двое*В*ерие Евгения Иванова: к изучению роли В.Ф. Комиссаржевской в истории символистского жизнетворчества // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 1. С. 266–283. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-266-283

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 1, 2024

DUAL FAITH OF EVGENY IVANOV: TO THE STUDY OF THE ROLE OF VERA F. KOMISSARZHEVSKAYA IN THE HISTORY OF SYMBOLIST LIFE CREATING

© 2024. Olga L. Fetisenko
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
Received: March 27, 2023
Approved after reviewing: June 04, 2023
Date of publication: March 25, 2024

Abstract: The article, based on materials from two archival funds of the Manuscript Department of the Pushkin House, recreates in detail one of the most significant components of the spiritual life of Evgeny Ivanov (1879–1942), a writer and religious thinker, a close friend of A. Blok. It is the history of his long-term worship of Vera Komissarzhevskaya, which influenced not only the formation of his worldview but also his work (first of all, his unfinished articles about H. Ibsen's female characters, about the high destiny of theatre actors, about religious faith). Ivanov found himself in a situation of religious dual faith (Orthodoxy and the rudiments of the Khlystism, Christianity and the interest in Slavic paganism), being at the same time in platonic love with two women under the name Vera — Komissarzhevskaya and V.N. Dyukova, his cousin. The materials presented in the study, including previously unpublished fragments of the diary, can be considered as a kind of backlight to the history of the creation of the poem "On the Death of Komissarzhevskaya" by A. Blok (1910). Most importantly, they explain the appearance in this text of the image of "promised spring."
Keywords: Silver age, symbolism, archival sources, Alexander Blok, Vera Komissarzhevskaya, Evgeny Ivanov.
Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-002-5670-2656
E-mail: betsy98@mail.ru
For citation: Fetisenko, O.L. "Dual Faith of Evgeny Ivanov: To the Study of the Role of Vera F. Komissarzhevskaya in the History of Symbolist Life Creating." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 1, 2024, pp. 266–283. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-266-283

Евгений Павлович Иванов (1879–1942) — ближайший друг А.А. Блока и один из любимых собеседников В.В. Розанова, литератор Серебряного века, при этом, по выражению Андрея Белого, один из тех, благодаря кому формировалась сама «атмосфера, слагавшая символизм» [12, с. 38], петербургский мистик и мечтатель, оставивший после себя несколько статей и эссе (единственное сколько-нибудь известное из них — «Всадник. Нечто о городе Петербурге»), ряд детских рассказов, незавершенные воспоминания и весьма интересный, но трудно читаемый, из-за особенностей почерка и речевой личности автора, дневник[1]. Стремление к словесному воплощению всего переживаемого, а в дальнейшем и прямо к писательству возникли у Иванова при узрении музы, явившейся ему еще в 1890-е гг. в облике актрисы Александринского театра Веры Федоровны Комиссаржевской, личности особо значимой и для Блока, и для всего этого поколения, не только для младших символистов[2]. Иванов был не просто одним из многочисленных поклонников великой актрисы, он исповедовал настоящий ее культ, возможно, в духе символистского жизнетворчества, и Блок был посвящен в подробности этого своеобразного рыцарского служения, знал о всех переживаниях, настроениях и творческих замыслах своего друга. Материалы, представленные в этой статье, в том числе и ранее не публиковавшиеся фрагменты из дневника Иванова, могут послужить своего рода фоновой подсветкой к блоковской речи памяти Комиссаржевской

1 О Е.П. Иванове см.: [1; 2; 5; 8].

2 О том, как словесно оформлялась «канонизация» Комиссаржевской современниками, см., например, статью А.Ю. Сергеевой-Клятис [4]. Той же исследовательнице принадлежит и биография актрисы, вышедшая в 2018 г. в серии ЖЗЛ.

и посвященному ей стихотворению, запечатлевшему ее как «обетованную весну».

Есть неоткомментированное место в письме Иванова к Блоку от 1 марта 1911 г.: «Я сегодня тоже не один. У меня сейчас были две Веры. Третья — книга на столе — твой непростой подарок. / Какое милосердие свыше сходит, и как все странно сходится...» [10, с. 227]. В.Н. Быстров в недавнем полном издании этой переписки указал только «подарок»: посланный Блоком другу в тот же день «Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской» (СПб., 1911), в котором была помещена его речь памяти Веры Федоровны [10, с. 227], но не пояснил — кто же были другие «две Веры». Углубленное знакомство с окружением Иванова показывает, что это или его троюродная сестра Вера Александровна Дюкова (урожд. Угрюмова; 1862–?), жена директора 2-й мужской гимназии, и ее дочь Вера Николаевна (1893 – не ранее 1920[3]), Веруня, как ее называли в семье, в то время — самый дорогой для автора письма человек; или, что более вероятно, та же Веруня и еще одна ее тезка — Верочка, в дневнике часто упоминаемая, для отличия, именно под таким уменьшительным именем Вера Романовна Гундризер[4], впоследствии филолог-германист. Имя Вера вообще было «судьбоносным» для Иванова, потому что и в семье В.В. Розанова, где он дружески-родственно был принят (см.: [13]), ему из всех дочерей ближе была Вера (в дневнике — «Верочка Розанова»).

Веруня Дюкова и Верочка Гундризер, несмотря на разницу в возрасте (вторая, видимо, чуть старше), были подругами, и шуточное обыгрывание слова «двоеверие» родилось у Иванова в связи с их соименством. 7 сентября 1909 г. он писал Блоку:

> Милый Саша, вчера с дачи перебрались в город. Погода летняя: осень неизреченная: жаль уезжать. Если бы тебе в парках побывать! <...> А я их всех изъездил в компании молодой. Научил племянницу двоюродн<ую>, гостившую у своей подруги, у той барышни, которую ты видел у нас, с велосипед<ом> приезжала. С ними двумя я дня три катался. Обеих Верами зовут: так что своего рода «двоеверие» [10, с. 180].

3 Последнее из сохранившихся писем В.Н. Дюковой к сестре Иванова, М.П. Ивановой, датировано 11 февраля 1920 г. (РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 82).

4 В фонде Иванова в Пушкинском Доме (Ф. 662) имеются ее письма к Иванову, его сестре Марии и к В.Н. Дюковой.

В том же году, 29 ноября, в дневнике появляется запись: «Был у Веры Р<омановны> и Над<ежды> Ив<ановны>[5] — продал Ибсена. Видел Карташ<ева> <*1 нрзб.*> с “двоеверием”. Сам я отвратителен, а девушки изумительно хороши»[6].

И все же главными персонами для Иванова были Вера Федоровна и Веруня, Комиссаржевская и Дюкова — одна недосягаемая, другая близкая и домашняя, но и ограждаемая узами родства (хотя родство в четвертом колене, может быть, и не помешало бы мечтать о свадьбе, но только не в строго религиозной семье Евгения Павловича). Одна раньше, другая значительно позже, а в какой-то период одновременно, они были предметом его платонической любви и образовали в его душе ситуацию «двоеВерия».

Но в сентябрьском письме к Блоку 1909 г. помимо игры слов «две Веры» и «вера — Вера» была еще и отсылка к их беседам 1904–1905 гг. о «двоеверии» в прямом смысле слова (раздвоении между христианством и язычеством). О своих увлечениях (Блок не мог не знать о них) Иванов вспоминал:

> Копался я и в «древнем благочестии» староверов, с которыми имел родственную связь по линии матери моей (бабушка[7] была староверка федосеевского толка), копался я в так называемом «двоеверии» народного эпоса, который оживал в представлении сект «хлыстов-христов», копался я и в культурном творчестве, в его искусстве литературы, живописи, музыки.
>
> Скрытое, влекущее к себе с детства, таинственно любимое в Церкви, с детства же заглушаемое разумным сознанием взрослого, вдруг открывалось и оживало в каком-то чудном новом свете от толчков-толков с одной стороны «хлыстов», с другой стороны, от «солярной» (т. е. солнечной) теории наших собирателей народного эпоса[8].
>
> Эта «солярная теория» и доводилась у меня до конца, то есть до Христа (Солнце-Митра): через раздвоение двоеверия к новому единению в новом озарении найденного слова, звучащего согласно до единой іоты и черты со словом Евангелия правды [11, с. 343–344].

5 Возможно, родственница В.Р. Дюковой. Ср.: в архиве Иванова сохранилось письмо некой Н. Гундризер к его единоутробной сестре К.М. Косцовой.

6 РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 9 об. Упомянут А.В. Карташев (1875–1960).

7 Агриппина Артемьевна Шалыгина (урожд. Панова; ?–1894).

8 Подразумеваются А.Н. Афанасьев и Ф.И. Буслаев.

В отличие от подобного двоеверия как «нового единения», двое*Ве*рие Иванова — это еще и соединение поклонения реальному лицу по имени Вера и веры христианской («Веры Христовой»), где одно как будто не противоречило другому, а взаимно друг друга укрепляло. Как все это уживалось в одном человеке? В незавершенных воспоминаниях, создававшихся в 1930-е гг. и сохранившихся в коллекции М.С. Лесмана, Иванов описывает свое взросление, казнит себя за греховные наклонности — измену первоначальной чистоте, и переходит к переломному моменту своей жизни:

> Как вдруг событие. 20 февр<аля> 1897 г. увидел Комиссаржевскую в роли Розы «Боя бабочек»[9] в Михайловс<ком> театре. «Она явилась и зажгла, как солнца луч среди ненастья»[10]. <…> Образ. Глаза, голос стояли пред глазами. Мысль о знакомстве казалась мне кощунством. <…> Такой мозгляк. Романтизм возник <снова>[11].

В более ранних текстах Иванов называл датой этого «явления» ему Комиссаржевской 17 января, и поэтому 17 стало для него «числом Веры» (и одновременно, по другим соображениям, числом Петербурга и Медного Всадника) (см.: [11, с. 98]). В воспоминаниях им допущена двойная ошибка: спутан театр и названо число, неточность которого была им же установлена еще в 1910 г., когда он выяснил вместе с сестрой правильную дату: 15 января 1897 г. Перебирая после кончины Веры Федоровны свои домашние реликвии, связанные с ее именем, он установил точную последовательность событий. Об этом говорится в дневниковой записи от 16 февраля 1910 г.:

> Сегодня пересматривая афиши спект<аклей> Ком<м>иссаржевской, открыл и вижу, что первая «Бесприданница»[12] была как раз *16 фев-*

9 Комедия Г. Зудермана (1894). Комиссаржевская дебютировала в «Бое бабочек» на сцене Александринского театра 4 апреля 1896 г. В дальнейшем окажется, что это будет последняя пьеса, в которой в 1910 г. она выступит уже больная. Иванов допускает ошибку — конечно, речь должна идти об Александринском театре.

10 Цитата из арии Гремина из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

11 РО ИРЛИ. Ф. 840. Коллекция М.С. Лесмана. Оп. 24. Ед. хр. 56. (Листы не нумерованы).

12 Пьеса А.Н. Островского (1879). В 1897 г. Иванов увидел Комиссаржевскую в роли Ларисы Огудаловой также 30 сентября (РО ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 4. Л. 98).

раля 1897 года. Значит, Бой Бабочек должен был по крайней мере двумя неделями раньше.

Сегодня утром узнал от Мани[13] потрясающую вещь. Я думал, мы в «Бое бабочек» были 20 февр<аля>. Маня говорила, нет, раньше. «Мы были тогда, когда я *кольцо* с аметистом купила или получила от ювелира».

Это то кольцо, которое теперь висит на образе «Знамение» в Царском Селе[14]. Хоронят Веру Ф<едоровну> тоже в Царском[15]. Я потом уже узнал, что «Бесприданни<ца>» д<ана> бы<ла> 16 февраля <1897>[16], следова<тельно>, двумя-тремя неде<лями> раньше мы были в Бое Бабочек. Не 20-го января.

Маня милая сейчас справлялась по счетам, книгам Мамы[17]. Они лежат под образами у Мамы в спальне, под образами Печерской наверху. И узнала точно, когда мы были в «Бое Бабочек», когда впервые было и кольцо, и Вера.

15 января 1897 года [9, с. 378].

Продолжая в 1910 г. выяснять ход дорогих для него событий юности, Иванов понял, что 20 февраля тоже был день важный: это было Прощеное воскресенье и день рождения сестры, и в этот же день брат Саша[18], имевший на Евгения огромное влияние, что-то сказал о Вере Федоровне: «...меня как ударило» [9, с. 378].

Итак, после спектаклей с участием Комиссаржевской к юноше возвращается не только уже ранее пережитый им «романтизм» (в автобиографии отмечено, например, чтение В.А. Жуковского), но даже «культ В.С. Соловьева»[19] (заметим: воспринятый им раньше, чем это было с Блоком). В воспоминаниях же рассказано:

13 М.П. Иванова (1874–1941), «адресат» стихотворения Блока «На железной дороге».

14 В настоящее время этот чтимый образ находится в храме Санкт-Петербургской духовной академии.

15 Ошибочное известие. Комиссаржевскую похоронят в Александро-Невской лавре.

16 В дневнике описка: 1907.

17 Мария Петровна Иванова (урожд. Шалыгина, в 1-м браке Косцова; нач. 1840-х – 1918).

18 А.П. Иванов (1876–1940), автор фантастического рассказа «Стереоскоп» и исследования о Врубеле.

19 РО ИРЛИ. Ф. 840. Оп. 24. Ед. хр. 56.

После лета Гимназия[20] 7-го класса. Посещен<ие> театра. Бесприданница с боязнью, что подумают о влюбленности в Комиссаржевскую. Это оскорбило бы ее имя.

Достал билет на Бесприданницу. Жар 38 от волнения, что не увижу. Увидел и не знал, что надолго <…>. Болезнь ее. <…> Весна и ее выздоровление. «Юность». «Гибель Содома». «Франк <?> <должно быть: Фромон младший. — *О.Ф.*> и Рислер <старший >»[21] и «Бой бабочек»[22].

7 октября 1904 г. в дневнике сделана запись: «Сегодня день, когда о болезни ее 8 лет[23] тому назад узнал. Тяжелое время было» [9, с. 322]. Почему он так точно помнил этот день? Потому что именно в это время болезни своей музы он начал делать три вещи: горячо молиться о ее выздоровлении (и таким образом выучился молиться), серьезно вести дневник и учиться живописи масляными красками. Романтическое поклонение Комиссаржевской помогало хотя бы умерять, если не преодолевать то, что Иванов метко и остроумно назвал «обезьяньими наклонностями». После выздоровления актрисы он старается посещать все спектакли с участием предмета своей «первой любви»[24], но чувство свое таит от всех, боясь даже «выкрикивать ее фамилию», чтобы не обратить на себя (невзрачного, как ему казалось) внимание и не оскорбить величия избранницы тем, что у нее может быть такой недостойный поклонник: боялся оскорбить «своим видом мизерным и рыжим» [11, с. 380].

…Когда я 16-летним <на самом деле — 17-летним. — *О.Ф.*> подростком влюбился в человека, реально совершенно не знавшего меня всю жизнь, в В. Комиссаржевскую, то купил почему-то острый финский нож. Им я резал на руке себе букву «В», ту же букву на рукоятке ножа. В минуты, где требовалась неробость, я хватался за рукоять его и шел смело, хотя был трус изрядный. Но кроме того мне мечталось сразить этим ножом того, кто посмеет коснуться ее, не так как надо, оскорбительно. Тут ревность. Здесь на один шаг

20 Иванов учился в 3-й гимназии.

21 Перечислены спектакли по пьесам М. Гальбе, Г. Зудермана и А. Доде.

22 РО ИРЛИ. Ф. 840. Оп. 24. Ед. хр. 56.

23 Должно быть не 8 лет, а 7, речь идет о 1897 г.

24 Беру эти слова в кавычки не случайно, далее станет видно, каким смыслом понятие «первой любви» приросло для Иванова. — *О.Ф.*

> от Дон Кихота в кукольном театре. Но это глубоко связано с «первой любовью» и по ней дорого мне.
>
> Сам я себя считал самым невзрачным мозгляком и не смел участвовать в прославлении ее, чтоб не сказали «и этот тоже» Квазимодо. В мече выливалось искание не только своего перерождения путем мучения (факирство в своем роде), но и выступление в мир с требованием о признании *ее* как несравненной.
>
> Все учебники покрылись вензелем ВК и изображением битв, где на знаменах одной сторо<ной> стояла буква В.
>
> «Вера, любовью споспешествуема»...[25]

Это фрагмент из рукописи, названной «О П. Л.», что, несомненно, расшифровывается как «О Первой Любви». Понятие «первой любви» Ивановым осмыслено, по Апокалипсису, как главная святыня всей жизни человека. Большую роль для него играло, конечно, и то, что избранница носила имя Веры. Позднее Иванов написал несколько работ о вере (религиозной), о вере-жизни. В одном из набросков есть важное автобиографическое признание:

> И было так. Один юноша, еще не знавший, что такое любовь, увидя на сцене извест<ную> артистку, имя которой было Вера, влюбился в нее самою чистою Первою любовью. Юноша был гимназист 6–7 класса. Итак, гимназист, и ему приходилось зубрить по Закону Божию Катехизис с добавлени-и<ями>, и скучное дело еще становилось несно<снее>, когда явля<лось> помехой свободным минутам, в которые он мог отдаться мечтам о ней и перенест<ись> <...> на сцену. Слыш<ать> ее голос, вид<еть> ее глаза. Томи<лся> он и радовался <...>.
>
> Но экзамен приближ<ался> <...>. Но когда он читал о Вере, вдруг как молния пронзила его одна мы<сль>. Какое странное совпадение, что <...> без Веры невозможно угодить Богу. <...>
>
> И ему стало понятно, что любовь и Вера одно. И что <...> надо делать добро...[26]

25 РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 6–6 об. В конце фрагмента цитируется апостол Павел (Гал. 5: 6).

26 Там же. Ед. хр. 41. Л. 41–42.

Признание на ту же тему содержится в незавершенных воспоминаниях Иванова «Друзья», где передан один из первых его разговоров с Блоком:

> ...говорили мы о «первой любви», и что память о ней заповедана в Апокалипсисе Иоанна[27]; вспоминая о ней к Вере Фед<оровне> Комиссаржевской, явившейся мне, 16-тилетнему подростку, в ролях Рози («Бой бабочек») и «Бесприданницы»; я говорил об исступленно стыдливом характере своей «первой любви», связанной с презрением к себе, противному рыжему гимназисту, каким я впервые ее увидел 16 лет.
>
> Не только что знакомство, но даже попасться на глаза-то к ней я считал чем-то оскорбительным для нее <...>. Малейший намек на мою «влюбленность» приводил меня в средневековое бешенство, как оскорбление ей. Все книги были перепачканы, исчерканы изображениями битв за нее с кем-то; боевые знамена с таинственными заветными вензелями, буквами В. К. развевались на страницах физики и катехизиса.
>
> Александр Ал<ександрови>ч все это слушал и понял так, как никто не мог понять, то есть, так, как я бы хотел сам тогда, чтоб меня все понимали. Он был чист и отражал в себе все чистое еще чище, как отражают прозрачные воды окружающее их.
>
> С детства я был просто религиозен, но «первая любовь», как солнце, вдруг озарило все и дало толчок росту религиозного сознания. Слово вера совпало с именем Вера; идея приняла лицо, олицетворяясь; вера стала обликом, «обличающим невидимое», «вещей обличение невидимых»[28]. Мертвящий душу катехизис в учении о вере вдруг ожил в новом свете, где вера и Вера стали одним словом, где первая вера с «первой любовью» стала — одно.
>
> Средневековый стиль этой первой веры и первой любви[29] принял характер эпохи Возрождения, когда, три года спустя, меня захватили Мережковский и Розанов своими словами. Бездны открылись под ногами, и жажда крыльев охватила дух... [11, с. 266–267].

Примечателен и еще один фрагмент автобиографической книги: «Это было с 1896 г. — с Верой. <...> Евангелие нас делало достойны<ми> Ее.

27 Откр. 2: 4.
28 Евр. 11: 1.
29 Ср. в дневниковой записи от 17 февраля 1910 г.: «Это было средневековье» [9, с. 378].

Церковности прежде не было, не счи<тая> <…> молитвы и часовни[30] <…>. Путаница искусства и религии. Стремление выйти из этой путаницы…»[31].

Даже лик Христа юноша видит отраженным в лице Веры Федоровны: «А Он ведь, было время, являлся мне в сияньи солнца, в лице Ее, Веры, с ее болью печальных глаз» [10, с. 34][32]. Когда ее не станет, верный рыцарь будет говорить о ней буквально новозаветными словами: «Что вы стоите и смотрите. Она жива» [9, с. 377][33].

Как положено символисту (или просто влюбленному?), всюду Иванов встречал «знаки». Так было и с предметом его «культа». У Розанова 19 мая 1902 г., ожидая его выхода из кабинета, он случайно бросает взгляд на лежащий на столике номер «Ежегодника Императорских театров» и видит портрет Комиссаржевской [13, с. 467][34]. А 9 января 1905 г. на разгромленном Невском проспекте ему бросается в глаза большая афиша с портретом Комиссаржевской в роли ибсеновской Норы [6, с. 81].

21 декабря 1902 г. Иванов попробовал написать своему кумиру письмо (видимо, не отправил его). Черновик сохранился в дневнике, приведу фрагменты из него:

> Вы меня не знаете и не видели, я вас видел, чувство<вал>, знаю, я верю в Вас. <…> Вы лебедь! я безобра<зный> сер<ый> утенок. <…> В Вас светит миру Та, котор<ая> светит мир<у> и Богородице. <…> О, не при<мите> меня за сумасшедш<его>. Не примите и за кощунственного, ко<торый> для ком<едии> или р<ади> игр<ы> говорит. Я Христиан<ин> <…> и Бог меня <…> благо<словил>. Я не закрыв<аю> глаза. Я знаю, что Вы не безгрешны, но ваш грех <и> мои некот<орые> ничто. <…> Вы свет миру, утеш<ение (?) в> скорбях, ибо в ваших глаз<ах> и голосе Море <…> Отзыва<ется> Море[35].
>
> Вы для меня источник вс<ей> моей радости. Вы зал<ожили> зерно моего истин<ного> понимания православия. Вы светильн<ик>, Царица <…>.

30 Подразумевается ближайшая к дому часовня Синодального подворья на Кабинетской ул., куда Иванов любил заходить.

31 РО ИРЛИ. Ф. 840. Оп. 24. Ед. хр. 56.

32 Письмо к Блоку от 21 июня 1904 г.

33 Запись от 12 февраля 1910 г.

34 Интересно, что перед первой встречей с Розановым он испытывал, по собственному признанию, «такое же томление», как после первого узрения Комиссаржевской [13, с. 448].

35 Для Иванова, как ясно по его богословским наброскам и по дневниковым записям, море — священная стихия, в которой слышен голос Бога. См. об этом подробнее: [7].

Я не говорю про себя, я слишком гадок св<оей> внешностью и не смею жертво<вать> ничем для Вас. <...> Я могу толь<ко> молиться за вас и молюсь каждый день <...> (Ведь вы заступница.)[36].

Заветное имя постоянно появляется на страницах его дневника и особенно в периоды борьбы с нечистотой. Прочитаем записи его дневника от ноября 1903 г.:

7 ноября. На сегодн<я> ночью опять и опять. Оди<н> раз пока не ложил<ся> еще сп<ать>, пот<ом> в 8-ом часу утр<а>.

Неужели нет сил? Нет сил. Подлость. Пошлость. Все осквернил, все обратил в грязь, и правы те, кто считает за порнографию нов<ую> свят<ую> плоть, ибо ведь представитель, проповедник[37] так качается, так гибнет. О Боже, дай снова о чем я молю, ведь Ты мне давал силы, но я сам нарочно и отвергал. Клятвы, обеты, все шло насмарку, все гибло, как я та<к> страшно погубил. Ибо дано было и не берег. Боже, прости мне. Нет, страшно. Боже спаси, помилуй. Гибну, но еще призываю. Нет у меня любви к Тебе пламенной <...> А ведь сердце жаждет, и я гублю и силы и свет в себе этою грязью заливаю. Кто очистит? Мне Ты помогал. Не Ты ли Ее послал ко мне, Комиссаржевск<ую>, не Ты ли меня к Розанову привел в тот день, когда я мог высказаться. Все это — чудо. И все это отнимется, если буду продолжать так же. <...>

8 ноября. Достал на Тангейзера. <...> Был на Бенефисе Комиссаржев<ской>. «Цена жизни»[38] <...>

10 ноября

О, обновляющая Вера!

Чудо свершилось пред нами, свет предвечный. <...>

О Радость всех скорбящих, Небесная Царица[39]. <...>

36 РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10–11.

37 Иванов говорит о себе как о проповеднике идей Мережковского. В то время он печатался в журнале «Новый путь», посещал редакционные собрания, часто бывал и в доме Мережковских.

38 Пьеса В.И. Немировича-Данченко.

39 Как это часто бывало у Иванова, здесь трудно понять — благодарит ли он Пресвятую Богородицу за то, что смог увидеть новое чудо в игре Веры Федоровны, или саму ее видит Небесной Царицей, Радостью скорбящих. Зная о его увлечении хлыстовством, можно предположить и второе.

Был на «Искуплении»[40].

О радость всех скорбящих!

Не пиеса тут. А мы с чувством выказываемся.

Страшно то, что я ничего не посмел сказать, а между тем так возмож<но> было. Я стал на ступени лестн<ицы>. И виде<л>, к<ак> она <…>[41].

После этих двух спектаклей 11 ноября Иванов задумывает статью «Таланты и поклонники». Не о пьесе Островского, чье название он использует, а о священной миссии гениальных артистов и о «влюбленности» в них «поклонников». Об этом и записи от 12 ноября, дня, когда произошло, как он пишет, «страшное наводнение», которое он ходил смотреть «инкогнито» (тайком от строгой матери). «В год болезни Коммиссарж<евской> было то же, — пишет он. — Я очень предсказывал наводнение»[42].

Через год воплощенный Комиссаржевской образ ибсеновской Норы побуждает Иванова писать статью о Норе-Вере, от которой остались лишь наброски, впрочем, весьма глубокие по своим прозрениям (см.: [6, с. 86–92]). А еще через год в его жизнь под знаком *Веры* входит новое священное имя — *Мария*, за которым стоит Мария Михайловна Добролюбова (1877–1906), сестра поэта-символиста А.М. Добролюбова и предмет поклонения другого поэта, Леонида Семенова, но в неменьшей степени и Иванова (а отчасти и Блока; достаточно вспомнить его стихотворение «Деве-Революции»). Инициалы «М. Д.» Иванов расшифровывает то как «Мария и Демон», то — дерзновенно — как «Мария Дева» [11, с. 99, 115] и почти обожествляет прекрасную сестру милосердия. То ли прежняя робость, то ли поглощенность образом «М. Д.» помешала ему быть представленным «первой Вере», хотя такой шанс у него был: 28 декабря 1906 г. он присутствовал на репетиции блоковского «Балаганчика», где была и сама хозяйка театра.

Была в креслах В. Комиссаржевская. Сколько с этим лицом связано у меня. С<аша> Блок говорил с ней, и они смотрели в мою сторону. Стоит толь-

40 Драма И.Н. Потапенко.

41 РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–5 об.

42 Там же. Л. 7 об. Тут следует пояснить, что Иванов мистически переживал петербургские наводнения и всегда стремился их видеть. А между ними специально ездил на Морской канал, чтобы смотреть на волны.

ко подойти и знакомы были бы. А я нет. Л<юбовь> Дми<триевна>[43] хотела меня представить, но так вышло, что не представи<ла>.

Чулков[44] начал представлять меня ей. Она повернулась ко мне, но я как-то не заметил, и вышла неловкость [11, с. 171].

Так передан факт в позднейшей литературной обработке подневных записей, в оригинальном же дневнике было отмечено: «День замечательный. Ее видел, Комиссаржевскую, милую <...> в театре ее <...> Очень хорошо это, очень хорошо» [9, с. 348–349]. Оказывается, Иванов сидел почти рядом с ней, отделяли их только Вяч. Иванов и Чулков, потом она «отсела <...> на задние кресла». Дальше в записи помянуты и два не состоявшиеся представления.

Помимо образа «М. Д.» в 1906 г. Иванова все больше занимает евангельская история о воскрешении 12-летней дочери Иаира. Свою вторую *Веру* (первую, Комиссаржевскую, теперь он стал называть Prima Vera[45]) Иванов открыл в двенадцатилетней Вере Дюковой, вдруг отделившейся для него от целой ватаги внучатых племянников. Постепенно она становится самой большой любовью Иванова. И вот здесь-то и подстерегает его «двоеВерие», и выбор он делает в пользу близкого человека, а не наполовину придуманного романтического образа.

В дневниковой записи от 11 февраля 1910 г. (день, когда узнал о кончине Комиссаржевской) Иванов казнит себя за то, что прошлым летом в Павловске не взял билет на какое-то выступление Комиссаржевской: «Не взял билета, не был. Почему. Зачем. Вера Вере мешала. Нет, тут другое. И был вечер, когда две Веры были в Павловске и я мог быть, брал же я другое и себе. На последний привет не ответил» [9, с. 377].

19 февраля 1910 г. в дневнике сделана большая запись о том, как Евгений Павлович смог встретить поезд с гробом великой актрисы — не как все, войдя в вокзал с Невского проспекта или Лиговки, а подобравшись сзади, долго идя по железнодорожным путям [9, с. 378–380]. 20 февраля он был на отпевании в Исидоровской церкви Александро-Невской лав-

43 Л.Д. Блок.

44 Г.И. Чулков (1879–1939).

45 См. дневниковую запись от 12 февраля 1910 г. [9, с. 377]. В этом именовании игра слов: Первая Вера и la primavera (весна, *ит.*). Нельзя поэтому исключать, что в стихотворении Блока «На смерть Комиссаржевской» (1910) строки «...Вера с нами <...> обетованная весна» хотя бы отчасти вызваны разговорами с близким другом.

ры, «благодаря пропуску Блока» [9, с. 380], но только 23 февраля побывал первый раз на могиле (в день погребения не подходил, да это, вероятно, было и затруднительно из-за толпы), а 24 февраля напился по этому случаю с Блоком, что называется, до положения риз, после чего «дал зарок» с ним «больше не пить» [9, с. 380–381].

Важным оказался день 19 марта, когда после встречи с Блоком же от кого-то Иванов получил портрет Веры Федоровны. В его дневнике появляется поэтический набросок:

С томленьем
Не мирским
Гляжу на твой портрет
И Боже мой, какой ответ
Я дам пред взором этих глаз
За мой нарушенный обет
За сгубленный во мне свет
Настанет час
И раб презренный
Я дам ответ
Пред твердым взором
Твоих очей
За мой нарушенный обет...
[9, с. 381–382][46].

Отныне каждое десятое число он старается бывать на могиле своей первой любви — первой Веры. Так будет весь 1910 г. и продолжится в 1911 г., хотя уже и с пропусками. 10 августа 1910 г. после такого посещения сделана запись: «Хорошо. Точно она прошла через мытарство. И все монашеское вокруг нее»[47]. (А сперва опасался погребения в Лавре: монахи такие «неприятные» [9, с. 378].) 10 октября Иванов, стоя у той же могилы, смотрит на терновый венец на кресте: «...вдруг лик образа Христа глянул там повешенный. Вера тоже распятая. <...> ...Что-то глубоко отрадное и страшное...»[48].

46 Нарушенный обет — несохранение девственной чистоты.
47 РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 47 об.
48 РО ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 7.

Несомненно, что именно уход Комиссаржевской и связанные с этим воспоминания о том, как когда-то *Вера*, не зная того, привела его к *вере*, стали побудительным поводом к созданию нового эссе под простым и в данном случае ожидаемым названием «О вере». На протяжении всего 1910 г. Иванов неоднократно делал подступы к этой работе. Несколько набросков к ней теперь уже опубликовано [11, с. 466–469], но еще ждут выявления и осмысления отдельные записи в дневнике на данную тему. Несомненно, продолжение работы с архивом Иванова необходимо хотя бы только для расширения представлений о круге общения Блока, а значит, и о контексте его творчества. В то же время его друг и сам по себе заслуживает внимания как один из заметных обитателей литературного Петербурга Серебряного века.

Список литературы

Исследования

1 *Ильюнина Л.А.* А. Блок и Е. Иванов в годы первой русской революции: (К вопросу о генезисе образа Христа в поэме «Двенадцать») // Блоковский сборник. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1990. [Сб.] X: А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. С. 21–31. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 881).

2 *Ильюнина Л.А.* Иванов Евгений Павлович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 379–380.

3 *Максимов Д.Е.* Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1964. [Сб.] 1. С. 344–361.

4 *Сергеева-Клятис А.Ю.* Комиссаржевская: мифологизация образа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 2. С. 72–89.

5 *Фетисенко О.Л.* «В ангельских крыльях зари»: Евгений Иванов — друг и хранитель памяти Александра Блока // Александр Блок и Евгений Иванов: в 2 кн. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Кн. 2: Е.П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. С. 5–74.

6 *Фетисенко О.Л.* «...Вечно падать и никогда не разбиваться о камни» («Петербургский мистик» в мире Ибсена) // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2007. С. 81–95.

7 *Фетисенко О.Л.* «Мы умираем, когда отходит море...»: Об одном тематическом ответвлении воспоминаний Е.П. Иванова о Блоке // Блоковские чтения — 2020: матер. Междунар. науч. конф. к 140-летию со дня рождения Александра Блока

и 40-летию Музея-квартиры А.А. Блока. СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2022. С. 167–185.

8 *Фетисенко О.Л.* Проповедник Нагорной радости («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература / отв. ред. В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2006. Сб. 5. С. 323–290.

Источники

9 Александр Блок в дневнике Е.П. Иванова (1903–1941) / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. [Вып. 4]. С. 311–436.

10 Александр Блок и Евгений Иванов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Кн. 1: А.А. Блок и Е.П. Иванов. Переписка (1904–1920) / сост., предисл., подгот. текста В.Н. Быстрова, коммент. В.Н. Быстрова, при участии О.Л. Фетисенко. 278 с.

11 Александр Блок и Евгений Иванов: в 2 кн. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Кн. 2: Е.П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. 558 с.

12 *Белый А.* О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 608 с.

13 В.В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е.П. Иванова. Письма В.В. Розанова к Е.П. Иванову / публ. О.Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 439–515.

References

1 Il'iunina, L.A. "A. Blok i E. Ivanov v gody pervoi russkoi revolutsii: (K voprosu o genezise obraza Khrista v poeme 'Dvenadtsat'')" ["A. Blok and E. Ivanov During the Years of the First Russian Revolution: (To the Question of the Genesis of the Image of Christ in the Poem 'The Twelve')"]. *Blokovsky sbornik* [*Blok Collection*], vol. 10. Tartu, Tartu State University Publ., 1990, pp. 21–31. (In Russ.)

2 Il'yunina, L.A. "Ivanov Evgenii Pavlovich" ["Ivanov Evgeny Pavlovich"]. *Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskii slovar'* [*Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 2. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia Entsiklopediia Publ., 1992, pp. 379–380. (In Russ.)

3 Maksimov, D.E. "Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov" ["Alexander Blok and Evgeny Ivanov"]. *Blokovskii sbornik* [*Blok Collection*], [vol.] 1. Tartu, Tartu State University Publ., 1964, pp. 344–361. (In Russ.)

4 Sergeeva-Kliatis, A.Iu. "Komissarzhevskaia: mifologizatsiia obraza" ["Komissarzhevskaya: Mythologization of the Image"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika*, no. 2, 2015, pp. 72–89. (In Russ.)

5 Fetisenko, O.L. "'V angel'skikh kryl'iakh zari': Evgeny Ivanov — drug i khranitel' pamiati Aleksandra Bloka" ["'In the Angel Wings of the Dawn': Evgeny Ivanov — a Friend and Keeper of the Memory of Alexander Blok"]. Fetisenko, O.L., editor. *Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: v 2 kn.* [*Alexander Blok and Evgeny Ivanov: in 2 books*], book 2: E.P. Ivanov. Vospominaniia o Bloke [E.P. Ivanov. Memories of Blok]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017, pp. 5–74. (In Russ.)

6 Fetisenko, O.L. "'Vechno padat' i nikogda ne razbivat'sia o kamni' ('Peterburgsky mistik' v mire Ibsena)" ["'To Fall Eternally and Never Break on Rocks' ('Petersburg Mystic' in the Ibsen's World"]. *Tvorchestvo Khenrika Ibsena v mirovom kul'turnom kontekste* [*The Work of Henrik Ibsen in the Global Cultural Context*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2007, pp. 81–95. (In Russ.)

7 Fetisenko, O.L. "'My umirayem, kogda otkhodit more...': Ob odnom tematicheskom otvetvlenii vospominanii E.P. Ivanova o Bloke" ["'We Die when the Sea Recedes...': One Thematic Branch of Memoires about A. Blok by E.P. Ivanov"]. *Blokovskiie chteniia — 2020: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 140-letiiu so dnia rozhdeniia Aleksandra Bloka i 40-letiiu Muzeia-kvartiry* A.A. *Bloka* [*Blok Readings — 2020: Proceedings of International Scientific Conference to the 140th Anniversary of the Birth of Alexander Blok and the 40th Anniversary of the A.A. Blok Apartment Museum*]. St. Petersburg, State Museum of the History of Saint-Petersburg Publ., 2022, pp. 167–185. (In Russ.)

8 Fetisenko, O.L. "Propovednik Nagornoi radosti ('Peterburgsky mistik' Evgenii Ivanov)" ["Preacher of High Spiritual Joy ('Petersburg Mystic' Evgeny Ivanov)"]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [*Christianity and Russian Literature*], vol. 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 323–290. (In Russ.)